

И.Г. Атаманенко

СТАВКА — ИЗМЕНА РОДИНЕ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военно-историческая библиотека (Вече)

Игорь Атаманенко

Ставка – измена Родине

«ВЕЧЕ»

2016

Атаманенко И. Г.

Ставка – измена Родине / И. Г. Атаманенко — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Военно-историческая библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4484-7194-0

У вас в руках книга о самых впечатляющих фактах предательства – измене родине – в последней трети XX – начале XXI века. Измена родине существует с тех пор, как общность людей превратилась в государство и со шпионажем следует стопа в стопу, плечо к плечу. Прочитав книгу, читатель, кроме прочего, удовлетворит свое естественное любопытство и побывает «на кухнях» – в штаб-квартирах – сильнейших спецслужб мира – КГБ и ЦРУ, – где готовились самые «пикантные блюда» – операции разведки и контрразведки по проникновению в тайны за семью печатями или противодействию таковому...

ISBN 978-5-4484-7194-0

© Атаманенко И. Г., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. Охота на «Кротов»	8
Глава первая. Супруги-шпионы	10
Глава вторая. Заминированные бордели	14
Глава третья. Сребреники для агента «Скиф» чеканили в ЦРУ	17
Глава четвертая. Агент ФБР «столичного» розлива	21
Глава пятая. Горький аромат предательства	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Игорь Атаманенко

Ставка – измена Родине

© Атаманенко И.Г., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

* * *

*Чекисту Зайцеву Владимиру Николаевичу и бойцам команды
«Альфа» посвящается*

Предисловие

Предательство в форме измены родине существует с тех пор, как общность людей превратилась в государство и со шпионажем следует стопа в стопу, плечо к плечу.

В истории земной цивилизации бессчетно много примеров, когда изменники вероломно нарушили воинскую присягу, пренебрегли долгом чести и морали, попрали законы человеческого общежития.

Но в книге рассматриваются случаи, которые имели место в среде научно-технической интеллигенции и элиты офицерского корпуса – сотрудников спецслужб – Советского Союза, Российской Федерации, Англии и Соединенных Штатов Америки во второй половине XX – начале XXI в.

Автор пытается осмыслить те казусы, которые, с одной стороны, поражают воображение уровнем причиненного финансово-материального ущерба, с другой – необъяснимы с точки зрения людской логики и психологии.

Анализируя преступные деяния указанных категорий лиц, автор делает вывод, что не всегда в основе оглушительно громких случаев измены родине лежит интерес к деньгам. Поэтому исследованию подверглось не только само событие, но причины и мотивы, способствовавшие его совершению.

В этой связи показательными представляются случаи измены родине высокопоставленным сотрудником Федерального бюро расследований США Робертом Хансеном и генерал-майором Главного разведывательного управления Генштаба (ГРУ) Дмитрием Поляковым.

Неудовлетворенность своим положением в системе координат родной спецслужбы заставила Хансена обратиться с предложением своих услуг КГБ. Но более денег тщеславию Хансена льстила иллюзия водить за нос начальство, обладать большей, чем оно, информацией, считать себя мудрее, прозорливее и предприимчивее своих коллег.

Его поступки были обусловлены и другим обстоятельством. Будучи интеллектуально выше своих сослуживцев и начальства, Хансен критично оценивал их умственные способности и культурный уровень, втайне презирая их. Сотрудничая сначала с советской и затем с российской разведкой, он потешался над своими коллегами и находил этому сладостное подтверждение.

Казус Дмитрия Полякова уникален по многим признакам.

Во-первых, потому, что в системе военной разведки он сумел так высоко подняться и приобрести охранную грамоту в виде генеральского звания. Во-вторых, по сроку – 25 лет, – что предатель «таскал из огня каштаны» для ФБР и ЦРУ. В-третьих, по объему и ценности переданной им противнику информации. В-четвертых, потому, что Поляков за все время работы на США не попал в поле зрения нашей контрразведки, а был разоблачен лишь благодаря нашим «кротам» в американских спецслужбах. Наконец, потому, что руководство ГРУ, однажды проигнорировав сигнал о его шпионском промысле, не провело надлежащего расследования, поскольку не желало выносить сор из избы.

На следствии выяснилось, что генерал был изменником по убеждению. Отвергая политические ориентиры советского правительства времен хрущевской «оттепели», Поляков считал, что руководство СССР незаслуженно попирает и предает забвению идеалы сталинской эпохи, за которые он 1419 дней сражался на фронтах Великой Отечественной войны.

Но основным побудительным мотивом, толкнувшим его в объятия спецслужб противника, была месть за младенца-сына, которого можно было спасти, но из-за равнодушия руководства ГРУ он безвременно погиб.

Безусловный интерес для читателя представляют рассекреченные материалы о сотрудничестве московской резидентуры ЦРУ и сверхприбыльного агента «Сфиз» – ведущего

конструктора Всесоюзного НИИ Министерства радиопромышленности СССР «Фазотрон» Адольфа Толкачева. Он, нанеся своей маниакально-преступной деятельностью многомиллиардные убытки СССР, преподнес США на блюдечке с голубой каемочкой *всю* нашу военную авиа- и радиоэлектронику.

Казус Толкачева – доказательство тому, что процветанию таких мощных государств, как Соединенные Штаты Америки, может способствовать такое преступление, как измена родине.

О том, как ЦРУ и Министерство обороны США высоко оценивали своего агента и как щедро оплачивали его услуги, можно судить по одному факту. Пытаясь уничтожить улики своей преступной деятельности, «Сфиз» сжег более 400 000 рублей (на эти деньги в 1985 году можно было приобрести более (!) 70 автомобилей «жигули» ВАЗ-2101), но даже после этого у него дома при обыске были изъяты около полутора миллионов рублей. Кроме того, два с половиной миллиона долларов были депонированы на банковских счетах Толкачева в Соединенных Штатах Америки.

Прочитав книгу, вы, кроме прочего, удовлетворите свое естественное любопытство и побываете «на кухнях» – в штаб-квартирах – самых сильных спецслужб мира – КГБ и ЦРУ, – где готовились «пикантные блюда» – операции разведки и контрразведки по проникновению в тайны за семью печатями или противодействию таковому...

Часть первая. Охота на «Кротов»

Все семьдесят лет своего существования СССР являлся государством тотального дефицита, однако никогда не испытывал нехватки в одном. В перебежчиках.

Если не считать исхода евреев из Древнего Египта, ни из одной другой страны мира не бежало столько ее граждан, как из Советского Союза.

Бежали все: помощники вождей и балерины, писатели и спортсмены, министры и рабочие. Но то были физические перебежчики. А сколько было духовных, кто по ночам, прильнув к радиоприемникам, с жадностью внимал «вражьи голоса» – радиостанциям «Голос Америки», «Свобода», «Немецкая волна», «Голос Израиля», чтобы хоть на час, хоть мысленно, но оторваться, убежать от советской действительности!

И дело не в особенностях менталитета граждан страны Советов. Примерно та же картина наблюдалась и в других странах социалистического лагеря.

Кстати, вы никогда не задумывались, почему мы говорили «лагерь социализма», но «мир капитализма»? Может, потому-то и бежали, что социализм был *лагерем*?..

В начале 1980-х гг. в среде сотрудников советских спецслужб широкое распространение получила тенденция уходить внаем к противнику. Уходить в шпионы. На профессиональном аргументе спецслужбистов это называется стать «кротом».

Продолжая занимать престижные должности в силовых сибуках, они фактически работали в пользу США, исправно поставляя своим заокеанским хозяевам сверхценную информацию.

Продавая противнику наши стратегические секреты, «кроты» исподтишка готовились к «мягкой посадке» на Западе. Это была самая опасная и убыточная для СССР разновидность перебежчиков.

Став «кротом», имярек исправно, а иногда с еще большим рвением, чем прежде, продолжал исполнять функциональные обязанности на своем рабочем месте, а всю конфиденциальную, секретную и особой важности информацию аккуратно «сливал» своим закордонным работодателям. Разумеется, за приличное вознаграждение, во много раз превышавшее его должностной оклад в родном учреждении.

Через некоторое время тенденция ухода в «кроты» приобрела такое распространение в среде офицеров нашей разведки, что их коллеги из западных спецслужб уже захлебывались от наплыва этих «инициативников» и брали на иждивение только самых-самых выдающихся секретноносителей. Хотя и таких к ним являлось немало с предложением своих услуг...

Да, в середине 1980-х – 1990-х гг. в СССР наблюдалось просто перепроизводство шпионов. Опять мы были впереди планеты всей. И как знать, не назовут ли исследователи последующих столетий то время «пиком шпионской революции» в России? И, возможно, будут правы. Тогда-то мы и узнаем, сколь велико было число «кротов» тех времен. Хотя о них и сейчас уже известно достаточно...

Впрочем, чего греха таить, тому были и объективные причины.

Разрушение разведки и контрразведки, замену крючковых на бакатинских, баранниковых на барсуковых, разбазаривание высококлассных профессионалов, обнищание научно-технической интеллигенции и наших офицеров, имевших доступ к госсекретам, не могло не сказаться на нашей обороноспособности.

«Рокировки», проводимые Горбачевым, а в последующем Ельциным, создавали благоприятные условия для успешной деятельности в нашей стране всем западным спецслужбам. В то время они чувствовали себя в России, как микробы в питательном бульоне...

Правда, не все было разрушено по инициативе и недоумию российских руководителей-временщиков КГБ, кое в чем им помогала злая воля нашего традиционного противника –

экспертов ЦРУ и других американских спецслужб, – которая-то, в конце концов, и двигала руками наших предержавших властей.

Нисколько не обеляя измены, автор, опираясь на конкретные факты, прослеживает, как и почему сотрудники советских спецслужб инициативно предлагали свои услуги ЦРУ, то есть становились «кротами».

Справедливости ради, следует добавить, что они составляли лишь ничтожно малую часть от многотысячного корпуса разведчиков, действовавших в мире искусительных миражей западной действительности...

Глава первая. Супруги-шпионы

В конце августа 1985 г. заместитель командира «Альфы» подполковник Владимир Николаевич Зайцев был срочно отозван из отпуска и получил приказ подобрать и подготовить бойцов для «съема» (на профессиональном жаргоне – негласное задержание) полковника Геннадия Сметанина, помощника резидента ГРУ в Лиссабоне.

От нашего особо ценного агента Олдрича Эймса, возглавлявшего контрразведывательное отделение в одном из подразделений ЦРУ, стало известно, что Сметанин и его жена Светлана занимаются шпионажем в пользу США с 1983 г.

Полковник инициативно предложил свои услуги ЦРУ. Вызавшись сотрудничать, он на первой же встрече за свои услуги запросил миллион долларов, за что получил оперативный псевдоним «Миллион», под которым и проходил в секретных платежных ведомостях ЦРУ.

Получив решительный отпор, Сметанин умерил свои аппетиты до 360 тысяч долларов. Пояснил, что именно такая сумма ему нужна, чтобы покрыть растрату казенных денег.

ЦРУ заплатило ему, но к его истории отнеслось с подозрением, решив, что полковник просто хочет продать себя подороже. Действительно, верилось с трудом, что в такой крошечной оперативной точке, каким являлся Лиссабон, могли крутиться такие огромные деньги. Однако псевдоним агенту оставили прежний – «Миллион».

* * *

В конце августа Сметанин получил очередной отпуск и вместе с женой-подельницей прибыл в Москву.

Силами «наружки» и «слухачами» из 12-го отдела КГБ СССР (прослушивание телефонов и внедрение микрофонов) за супругами велось круглосуточное наблюдение.

Тотальный контроль принес результаты: были получены данные, прямо указывавшие на сбор ими дополнительных сведений для американских работодателей, а также о намерении супругов остаться за границей навсегда.

К примеру, полковник, неожиданно воспылав любовью ко всем своим однокашникам по службе в ГРУ, стал активно посещать их на дому и во время застолий делать «фотографии на память».

Ясно, что эти снимки значительно пополнили бы картотеки американских спецслужб, затруднив впоследствии работу наших военных разведчиков при выезде в заграничные командировки.

Пробыв в Москве около трех недель, супруги-шпионы отправились в Казань, чтобы навестить и, как небезосновательно считали в КГБ, попрощаться с родителями и близкими.

«Лучшего места для негласного задержания шпионской парочки не придумать!» – решил Зайцев и с группой захвата немедленно вылетел в Татарию.

Через три дня он понял, что скрытно «снять» супругов не удастся: они все время были окружены многочисленными родственниками и друзьями. Тем не менее Зайцев не отказался от мысли провести «съем» именно в Казани, на вокзале или в аэропорту – в зависимости от того, какую обратную дорогу предпочтут Сметанины.

Свои соображения «альфовец» доложил в Центр и получил «добро».

* * *

12 сентября местные сыщики наружного наблюдения, на которых возлагался визуальный контроль за передвижениями шпионов, доложили Зайцеву, что объекты взяли билеты на самолет и 14 сентября должны вылететь в Москву. Одновременно слуховым контролем телефонных разговоров брата Сметанина удалось установить, что объект конспиративно, с помощью своих родственников приобрел два билета на скорый поезд № 37 Казань – Москва.

Эти маневры «подопечного» насторожили Зайцева. На память пришли события пятилетней давности – обстоятельства побега за границу начальника отдела Восьмого главного управления КГБ (связь и шифровальная служба) Виктора Шеймова, который вместе с семьей был вывезен американцами на самолете прямо из аэропорта Внуково. Накануне побега Шеймов, чтобы иметь выигрыш во времени, в пятницу сообщил начальству, что на выходные дни уезжает на дачу приятеля в Подмосковье. Поэтому его хватились лишь в понедельник, когда он уже был недосыгаем.

«Уж не хотят ли американцы повторить шеймовский вариант со Сметаниными? Если да, то становится понятным демонстративное приобретение супругами билетов на самолет – это отвлекающий маневр. Значит, – продолжал анализировать ситуацию Зайцев, – в аэропорту они не появятся, там же надо проходить регистрацию, то есть “светиться”!»

Как назло, утром того дня, когда супруги-шпионы должны были покинуть Казань, местная «наружка» их потеряла! Не веря до конца в возможность побега Сметаниных, Зайцев начал лихорадочно листать сводки наружного наблюдения и слухового контроля, пытаясь найти в них какую-нибудь зацепку, ранее незамеченную деталь, которая могла бы указать на возможное место пребывания объектов...

Нашел!

В день приезда Сметаниных в Казань им кто-то позвонил по межгороду. Геннадий, подняв трубку, ограничился короткой репликой:

«Я тебе перезвоню позже, извини, мы только что с дороги».

Казанские технари быстро установили, что звонок поступал от двоюродного брата объекта, проживавшего в поселке Козловка. Однако в дальнейшем Сметанин попыток связаться с ним не предпринимал. Но полной уверенности в этом не было, так как шпион мог позвонить брату с телефона своих многочисленных родственников и друзей.

Зайцев развернул карту Татарии. Так и есть! Козловка находится в непосредственной близости от железнодорожной магистрали Казань – Москва.

* * *

До вылета самолета в Москву оставалось два часа, до отправления поезда – три, когда Зайцеву удалось убедить свое руководство в Центре, что ему с группой захвата необходимо выехать в Козловку.

Действительно, что оставалось делать? Ясно было, что приобретение билетов на самолет – блеф, причины которого еще предстояло выяснить.

Билеты на поезд? Но Сметаниным не обязательно погружаться в поезд именно в пункте отправления – Казани, они спокойно могут сесть и в Козловке, что всего в сорока километрах. Если, конечно, они еще там!

На всякий случай Зайцев решил выждать один час, оставаясь в Казани. В Козловку он выслал разведзор во главе со своим заместителем Виталием Демидкиным. Учитывая скорость, с которой привыкли передвигаться «альфовцы» в ходе выполнения боевых заданий, нет ничего удивительного, что уже через сорок минут Демидкин вышел на связь и доложил, что

супруги-шпионы гуляют «по-черному» в обществе двоюродного брата Геннадия и его приятелей.

У Зайцева отлегло от сердца – «крот» найден!

Обнаружение «крота» отнюдь не решало проблем – брать шпионскую парочку на станции все равно нельзя: их наверняка будут провожать родственники и собутыльники. Может завариться такая каша!

Значит, «съем» придется проводить непосредственно в поезде, во время движения. Легко сказать! А если объект начнет отстреливаться? Да при этом, не дай Бог, кого-то из пассажиров ранит или убьет?! Ведь до конца службы не отпишешься...

И все-таки другого выхода нет – надо брать только в поезде...

* * *

После задержания Сметаниных от их имени казанским родственникам была послана телеграмма, что они досрочно улетели за границу – отозвали из отпуска.

Столичные знакомые шпионской парочки пребывали в неведении, думая, что они задержались в Казани.

Разумеется, истинное место пребывания супругов скрыть нужно было не столько от их родственников и знакомых, сколько от заокеанских операторов. Чем позднее они узнают о провале своих агентов, тем лучше для нас. И для безопасности человека, который вывел Комитет на шпионскую парочку.

* * *

Геннадия и Светлану «сняли» через пятнадцать минут после того, как поезд отошел от перрона Козловки.

Задержание произошло бы гораздо позже, если бы отступник ехал без жены. Надев парик и очки, он настолько изменил внешность, что идентифицировать его по имевшимся фотографиям категорически не представлялось возможным.

Тут же в купе предателя переодели в заранее приготовленный спортивный костюм и отобрали личные вещи – правило, которому неукоснительно следовали группы захвата. Делалось это исключительно с одной целью: обнаружить предметы, в которых могли находиться капсулы со смертельным ядом.

Во время осмотра вещей Сметанина «альфовцев» насторожило то, как он настойчиво пытался вернуть себе отобранные очки. Странно, тем более что стекла в очках были без диоптрий.

Как выяснилось в дальнейшем, в дужках очков находились ампулы с сильнейшим ядом из семейства курареподобных. Сметанину достаточно было сжать пальцами дужки, чтобы из микрорезервуаров вытекла смертоносная жидкость. Ее даже глотать не надо было! Попав на кожу, капля яда гарантировала уход в мир иной в течение 20 секунд. Единственное, что могли бы при вскрытии констатировать патологоанатомы – смерть от острой сердечной недостаточности.

...Личный обыск Светланы Сметаниной не проводили до самой Москвы – в группе захвата отсутствовали женщины. Исходя из мер предосторожности, ей надели наручники, а отдельные части туалета и аксессуары тщательно осмотрели и даже прощупали.

В богато расшитом поясе, инкрустированном черненым серебром, были обнаружены сорок четыре ячейки с... крупными алмазами! В ходе допросов выяснилось, что алмазы были переданы супругам двоюродным братом Геннадия, ранее работавшим на алмазных приисках Якутии.

После продажи их за границей мистер «Миллион» вплотную приблизился бы к своей мечте состояться миллионером...

Глава вторая. Заминированные бордели

Похищать секреты – все равно что тайком, ложка за ложкой таскать бабушкино варенье из начатой банки.

Это только кажется, что бабушка не замечает, как уменьшается уровень медового варева. Приходит день, когда ты, забравшись в комод к вожденной банке, вдруг получаешь крепкую затрецину:

«Попался, негодник!»

Оказывается, бабушка давно уже наблюдала за тобой в ожидании, когда ты наконец сделаешь свой роковой шаг, чтобы схватить тебя с поличным...

...Геннадий Вареник, офицер КГБ, находившийся в служебной командировке под прикрытием сотрудника корпункта АПН в Бонне, работал в пользу США чуть более полугода.

Он предложил свои услуги в качестве шпиона сотруднику ЦРУ Чарльзу Левену в апреле 1985 г. после того, как растратил полученные им на оперативные расходы семь тысяч марок. Эти деньги ушли на развлечения, на приобретение новой мебели, платья для жены и одежды для дочерей.

Вареник заблуждался, считая, что по собственной инициативе установил контакт с сотрудником ЦРУ. Первый шаг для сближения был сделан все-таки Левеном, разумеется, не без помощи других сотрудников американской резидентуры в Бонне. Ими были созданы условия, вынудившие советского разведчика искать материальную помощь у могущественного ведомства, каким является ЦРУ.

* * *

Чарльз Левен, человек неопределенного возраста: от тридцати до сорока пяти лет, находился в Бонне в качестве журналиста, якобы представлявшего сразу несколько американских изданий. Какие темы он освещал, на полосах каких изданий, этого никто не знал, однако поговаривали, что из-за своих снайперски метких публикаций он приобрел немало недоброжелателей, поэтому в последнее время вынужден печататься исключительно под псевдонимами.

Принадлежность американца к миру журналистики ни у кого не вызывала сомнения, потому что он всегда был в курсе самых последних сенсаций и скандалов, касались ли они великосветских тусовок или правительственных кругов Германии. Он был вхож в самые закрытые клубы по интересам, панибратски мог похлопать по плечу многих членов кабинета министров, не говоря уж о парламентариях, над которыми он любил откровенно поиздеваться.

В журналистских кругах его звали «душкой Чарли» и многие иностранные репортеры, аккредитованные в Бонне, считали за честь провести с ним часок-другой за кружкой пива, пытаясь выведать мнение всезнайки об очередном скандале или сенсации.

* * *

Идея «Фитнесса» – псевдоним, присвоенный Варенику американцами, – добровольно «таскать каштаны из огня» была щедро проавансирована ЦРУ: денег дали столько, что хватило не только покрыть недостачу, но и приобрести много других красивых вещей.

Умело манипулируя страхом руководства ЦРУ перед вездесущим КГБ, Вареник на очередной явке сообщил своему оператору, что Комитетом разработана операция, призванная создать видимость, что немцы не приемлют присутствия американских войск на территории

Германии. Для этого он якобы получил задание подобрать рестораны и бордели, посещаемые американскими военнослужащими, где можно было бы заложить мини-бомбы.

Со слов Вареника, КГБ, взорвав там бомбы, рассчитывал не только вызвать протест американского командования в адрес немецких властей, но и создать стену отчуждения между США и Германией. Ну, а чтобы новые хозяева охотнее поверили в этот бред, Вареник представил им подробнейшую информацию об операциях КГБ в Германии, в частности, «сдал» трех наших информаторов из числа высокопоставленных чиновников западногерманского правительства.

Как впоследствии на допросах признался Вареник, нелепица о мини-бомбах пришла ему в голову, когда он дома наслаждался просмотром кинобоевиков американского производства.

Однако досужий вымысел вызвал в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли невероятный ажиотаж. Еще бы! Ведь сведения получены от секретного агента, который является сотрудником советской спецслужбы! Когда информация – плод больного воображения «Фитнесса» – достигла Белого дома, она пришлась как нельзя кстати. Незадолго до этого Рейган назвал СССР «империей зла». Таким образом, данные, представленные Вареником, были восприняты в администрации президента как подтверждение тезиса о жестокости Советов. Спешно ЦРУ дало задание своим офицерам ознакомиться с обстановкой в указанных предателем значных местах.

«Да, – телеграфировали они в Лэнгли, – информация «Фитнесса» подтверждается!»

* * *

Если врага нет – его надо выдумать. Не беда, если это произойдет даже в горячечном бреду.

Этим постулатом пользовались цэрэушники, направленные на рекогносцировку в кабаки и бордели, посещаемые американскими военнослужащими.

На протяжении десятилетий смыслом существования Центрального разведывательного управления была борьба с СССР, с коммунизмом. И если бы кадровые сотрудники не подтвердили бредового вымысла Вареника, то ЦРУ становилось «голым королем». И как тогда прикажете оправдать перед налогоплательщиками годовой бюджет этого монстра, достигший к тому времени более пяти миллиардов долларов?!

Не найди цэрэушники подтверждения информации, представленной «Фитнессом», руководству ведомства было бы гораздо труднее морочить головы и американским законодателям, и налогоплательщикам, запугивая их советской угрозой.

Все силы руководителей ЦРУ были направлены на создание видимости, что Советский Союз – мощный агрессивный противник. Хотя, на самом деле, в Управлении прекрасно знали, что это далеко не так – ни по потенциалу, ни по стратегическим устремлениям СССР...

* * *

Однажды сумев ввести своим новым хозяевам возбуждающий воображение наркотик, Вареник пошел дальше.

4 ноября он по экстренному каналу связался с Чарльзом Левеном и заявил, что со дня на день КГБ установит мини-бомбы, а его для дополнительного инструктажа вызывают в Восточный Берлин. В этой связи предложил свою помощь: он дезертирует и сделает публичное заявление-признание. Однако в Лэнгли среди ветеранов разведки нашлись трезвые головы, которые охладили пыл зарвавшегося агента. «Фитнессу» было объявлено, что ЦРУ держит ситуацию под контролем и просит его повременить с переходом на Запад. Вместе с тем, «кроту» за проявленное рвение было выплачено дополнительное вознаграждение.

А он только этого и добивался. Привыкнув к легко достающимся деньгам, Вареник «добывал» интересующие его «работодателей» сведения, не вставая с кушетки. Удобно, черт возьми! Смотришь дома по телевизору американские боевики, а затем их содержание пересказываешь на явке своему американскому оператору – он все равно проглотит, ведь информация исходит от сотрудника советской спецслужбы!

Какой резонанс в мировой прессе могут придать его бреду «ястребы» из ЦРУ, какие политические выгоды для себя извлечь, – это Вареника нисколько не интересовало, главное – платили бы исправно! Справедливости ради следует добавить, что одними только «сочинениями на вольную тему» работа Вареника в пользу США не ограничивалась.

Характеристики на вновь прибывших сотрудников ТАСС и АПН, которых американцы подозревали в принадлежности к КГБ; копии со служебных документов, попадавших в руки изменника по роду основной деятельности; сведения о намечаемых советской резидентурой в Бонне мероприятиях – вот неполный перечень информации, переданной Вареником своему оператору Чарльзу Левену.

Кроме того, советские эксперты по делам спецслужб в Бонне полагают, что Вареник «сдал» противнику около 200 кадровых сотрудников КГБ и ГРУ и их информаторов.

Пример с Вареником – это еще и свидетельство тому, как быстро может возникнуть у агента и его кураторов взаимозависимость, имеющая, правда, разную природу.

Хозяевам нужна информация, какой бы бредовой она ни казалась на первый взгляд. «Кроту» – легкие деньги.

* * *

В 1997 г. в российской периодической печати появились высказывания родственников Вареника, дескать, за что же его расстреляли, если ничего плохого он своей Отчизне не сделал, а только Комитету госбезопасности. Да и вообще, был он образцовым семьянином, не пил, не курил, интимных подружек не имел, был добрым и отзывчивым, даже помогал своим коллегам по корпункту.

На этот посыл можно ответить коротко: Вареник – предатель, а товарищеские отношения по работе и благополучие в семье не исключают предательства.

Понятна озабоченность его близких окружить его романтическим ореолом. Однако у всех тех, кто имел отношение к расследованию обстоятельств его измены, ни на мгновение не возникло никаких сомнений, что продался он противнику исключительно по меркантильным соображениям. В полной мере к нему подходит классическое определение: «идейный борец за денежные знаки».

Что же касается утверждений, что Родине своей он ничего плохого не сделал, но только Комитету госбезопасности, этому дремлющему оку и всеслышащему уху государства, то такая позиция, по меньшей мере, выглядит вызывающей.

Злоумышленник отрежет вам ухо, выколет глаз, а затем его защитники примутся убеждать вас, что намерений причинить ущерб лично *вам* он не имел. Вы поверите?

Глава третья. Сребреники для агента «Скиф» чеканили в ЦРУ

Измена – пропуск в ЦРУ

Когда арестовали полковника ФСБ Александра Запорожского и предъявили ему обвинение в шпионаже в пользу США, многие его коллеги были в шоке. Чего не хватало обвиняемому?

Две новенькие «Волги», две кооперативные квартиры в центре Москвы, две дачи, приличная полковничья пенсия. Дети пристроены в престижные столичные вузы. Ему только 52 года – наслаждайся жизнью, путешествуй, занимайся детьми и дачами! Ан, нет же, все мало, захотелось прилива адреналина в кровь или денег в карман?!

Но нет, не знали коллеги, кто таков на самом деле Александр Запорожский.

* * *

Личность незаурядная. Трудоголик. Здорового честолюбия – через край. Блестящий аналитик с сильным характером и склонностью к авантюризму (а кто из разведчиков или контрразведчиков лишен этого качества – бросьте первым в меня камень!). Он умело скрывал эти свои достоинства от окружающих. Свободно владел одним из труднейших языков мира – амхарским, государственным языком Эфиопии, где в начале своей оперативной карьеры ему довелось работать в качестве «охотника за головами» – вербовщика.

Но какая карьера в Эфиопии? Даже если ты свободно изъясняешься на амхарском? Да у любого чиновника из Министерства Вооружений Эфиопии можно было купить за десять-двадцать американских долларов контракт на поставку советского вооружения. Правда, те же чиновники, что брали деньги, впоследствии под разными предлогами отказывались от закупок советского оружия. Но от секретного сотрудничества не отказывались – исправно писали подписки о готовности сотрудничать с КГБ и расписки в получении денег.

Запорожскому от надежной и проверенной агентуры стало известно, что Эфиопия никогда не пойдет на закупки вооружений в СССР, так как все стрелковое и тяжелое оружие в течение десятилетий закупалось только в США. Что же ему здесь делать, совершенствовать свои знания в амхарском, если он не может продать ни одной установки «Град»?!

Нет, это – тупик. Денежный, спокойный, но тупик! Бежать отсюда надо, и как можно скорее – годы-то идут, оперативный нюх притупляется. Нет-нет, бежать, и не откладывая это на завтра. Сегодня же надо написать первый рапорт. Затем второй. Если надо, то и десятый! После этого в Центре поймут, что меня отсюда надо переводить. А куда? Да хоть в Нигерию! Все, решено, сегодня же кладу рапорт на стол резиденту! И будь что будет! Хватит, надоело! Пусть присылают сюда какого-нибудь стажера, а я ведь как-никак в подполковниках хожу! Пусть подыщут мне какой-нибудь англоговорящий отдел. А почему бы и нет?!

* * *

Ко многим написанным Запорожским рапортам о переводе в другое место, а также к вербовке десятков эфиопов – не простых бомжей в лохмотьях, но высокопоставленных чиновников военного ведомства Эфиопии, от которых зависела закупка американского или советского вооружения, Центр проявил должное внимание, и он, Запорожский, к своему ошеломлению, получил назначение... в самое сердце, алтарь СВР – американский отдел! Ну и пусть заместителем начальника отдела – главное впереди!

Запорожскому присвоили звание полковника, но саднило душу, что не дали генерала. Да и держава вдруг поскакала галопом в криминальный капитализм. А в нем, в капитализме, столько возможностей! Теперь на свои четырехкомнатные кооперативные квартиры в центре Москвы он смотрел как на лачуги, а на две новенькие «Волги» – как на изношенные самокаты...

И полковнику захотелось много денег.

Свое желание он реализовал в 1994 г. в Аргентине – очень кстати подвернулась короткая командировка. Заглянул с мерами предосторожности в посольство США и вызвал местного резидента ЦРУ Вильяма Ортмана. Обалдевший от такого сюрприза американец выскочил в фойе посольства в пижаме и тапочках на босу ногу...

ЦРУ превращает «Скифа» в артезианскую скважину

Запорожский отдавал себе отчет, какой царский подарок он преподносит своим новым друзьям, как и знал цену своей информации, тем более что американцам для ее добычи пришлось бы приложить, ох, как много сил и времени. Да и увенчались бы их потуги успехом?!

Запорожского взял на связь сам Стивен Каннес – начальник контрразведки ЦРУ, присвоив «новобранцу» псевдоним «Скиф».

«Кроту» предложили вполне приемлемые условия: в случае опасности защиту в лице администрации президента США и много денег, а взамен потребовали сведения, которые день за днем, в течение трех лет с усердием водонасоса выкачивали из нового друга Соединенных Штатов.

И новоявленный замнач американского отдела, «крот» по кличке «Скиф», не подвел своих новых работодателей. Он «слил» им информацию обо всех известных ему разведчиках российских резидентур в США, Канаде, в Латинской Америке и Западной Европе, агентуру и намечавшиеся операции.

К счастью, в СВР умеют хранить свои секреты – Запорожский, несмотря на свой высокий пост во внешней разведке, знал далеко не все.

ЦРУ приобрело ему на территории США два коттеджа. Один за 407 тысяч долларов в «зеленом поясе» пригорода Вашингтона, второй – за 890 тысяч в штате Мэриленд, в местечке Кокивилл, и целый парк авто самых престижных марок. Общая стоимость подарков превышала 2 миллиона «зеленых» – свидетельство того, что «Скиф» «сдал» своим цэрэушным работодателям горы секретной информации...

Первые подозрения ФСБ и СВР

В 1997 г. Запорожский подал рапорт об увольнении. Но к этому времени у управления «К» (контрразведка внешней разведки), да и у Отдела собственной безопасности СВР накопились некоторые подозрения, что новоиспеченный замнач американского отдела – двурушник. За год до этого ФБР арестовало некоего американского дипломата, которого усиленно разрабатывали в вербовочном плане управление «К» Службы внешней разведки. Этот проект продвигал именно Запорожский.

Но какие, товарищи, могут быть подозрения в отношении такого мастодонта разведки, орденоносца, Почетного чекиста, аса вербовок, каким считался Запорожский?!

Поскольку весомой доказательной базы о причастности Запорожского к аресту американского дипломата не было, активную разработку его прекратили, но внимательно отслеживали его намерения и шаги.

Отсутствие прямых доказательств

В 1997 г. Запорожский ушел на пенсию. В это же время его старший сын Павел, не объясняя причин, подает рапорт и увольняется с третьего курса Академии СВР. Галина, жена полковника в своем окружении стала рассказывать, что ее мужу предстоит длительная командировка в Западную Европу, вот только дождаться бы окончания средней школы Максимом, младшим сыном...

Все полученные от конфиденциальных источников сведения накапливались и анализировались в ФСБ.

Находится много расхождений в словах и поступках родственников Запорожского и его самого, который сразу же после увольнения оформил загранпаспорта и долгосрочные визы для всего своего семейства на отдых... в Болгарию.

Что это? Перевалочный пункт для более длительного путешествия? Или просто отвлекающий маневр матерого аса разведки? Вопросы, вопросы, вопросы...

Как выманить зверя из логова?

В отделении ФСБ, продолжавшем разрабатывать Запорожского, появлялись все новые данные, свидетельствующие о том, что он – бывший «крот» и, занимая должность заместителя начальника американского отдела СВР, работал на ЦРУ.

Но в это время, о, удача для Запорожского! – на Запад сбежали два его сослуживца, сотрудники внешней разведки Третьяков и Торопов. Перебежали, даже не пытаясь изображать из себя лиц, преследуемых по политическим мотивам.

Для Запорожского – это был подарок: вот они – предатели, а я – хороший!

Хороший, да, ты хороший, сделали вид в отделении ФСБ, продолжавшем заниматься его разработкой. И Запорожский ничего не заподозрил, когда в 1999 г. посетил Россию, прибыв из Соединенных Штатов...

Визит был с дальним прицелом.

Во-первых, надо было убедить всех в своей незапятнанности: если б он был виновен в чем-то, то разве решился на поездку?

А во-вторых, ЦРУ затеяло с ФСБ многоходовую игру, где главная роль отводилась Запорожскому.

«Скиф» должен был выполнять роль наводчика на действующих и готовящихся к вступлению в должность и выезду за границу выпускников Академии СВР. Для этого требовалось поддерживать старые связи, заводить новые знакомства. Из заокеанского далека это сделать было невозможно.

По заданию своих шефов из ЦРУ Запорожский и рискнул сделать такой пристрелочный визит в Россию летом 1999 г.

* * *

Все сложилось замечательно: бывшие коллеги его облобызали и отпустили обратно. А спустя два года, когда ФСБ собрала основательную доказательную базу о его работе в пользу ЦРУ, Запорожского пригласили в Москву. И повод нашелся подходящий – 30-летие образования одного из управлений СВР.

«Приезжай, Саша, – сказали ему бывшие соратники, – посидим за столом, выпьем, вспомним былое. А если проспонируешь праздник, то честь тебе и хвала!»

Именно этот, тонко просчитанный контрразведкой призыв стать спонсором, и убедил окончательно «Скифа» в том, что он вне подозрений. Запорожский не стал мелочиться и

деньги привез, причем, не только на праздник – у него был целый список сотрудников, которых он собирался премировать индивидуально. Для затравки, с дальним прицелом...

...В Шереметьево-2 Запорожский прилетел 9 ноября 2001 г. Из самолета вышел последним. И страшно оскорбился, когда на его «щедро дающих» руках защелкнулись наручники...

Следствие длилось 18 месяцев. Коллегия Военного суда приговорила Запорожского к 18 годам лишения свободы с отбытием наказания в колонии строгого режима. Трудно сказать, встретил бы «крот» свой 70-летний юбилей на нарах – ведь в тюрьме уголовники к шпионам относятся еще хуже, чем к педофилам и насильникам несовершеннолетних девочек. Однако на его удачу в июле 2010 г. он в числе других предателей был обменен на группу наших разведчиков-нелегалов, проваленных изменником отставным полковником СВР Потеевым.

Глава четвертая. Агент ФБР «столичного» разлива

Вашингтонская резидентура

В начале 1980-х гг. резидентура КГБ в прямом смысле слова находилась под крышей посольства СССР в Вашингтоне, а ее глава руководил операциями с верхнего этажа каменного посольского особняка, который построила в начале века, хотя никогда там и не жила, г-жа Джордж М. Пульман, вдова магната, занимавшегося производством спальных вагонов для железных дорог. Это прямоугольное четырехэтажное здание было приобретено у нее под посольство последним царским правительством и по наследству перешло к советским дипломатам.

Все окна особняка были наглухо задраены. Фотография посольства в доме № 1125 на 16-й улице – всего в трех кварталах от Белого дома – неизменно появлялась в качестве иллюстрации к статьям в прессе о работе КГБ в Вашингтоне в частности, и в США вообще. Под снимком – дежурная подпись: «Шпионское гнездо».

Это весьма помогало направить мыслительный процесс американского налогоплательщика в нужное спецслужбам русло.

Для обывателя это было заколдованное место. На крыше небольшого посольского особняка, зажатого с двух сторон высокими зданиями, действительно устрашающе смотрелись многочисленные пауки антенн, в том числе и спутниковой связи.

Нередко сотрудникам посольства, как «чистым» дипломатам, так и «сидящим под корягой» – действующим под дипломатическим прикрытием разведчикам, доводилось слышать от вашингтонских аборигенов, что с соседних крыш американские контрразведчики – сотрудники ФБР – бомбардируют наше здание электромагнитными импульсами, чтобы прослушивать разговоры в помещениях и по стучу пишущих машинок считывать документы.

Кроме того, внутри здания работали наши собственные электронные системы защиты. К примеру, кабинет резидента, как и положено, представлял собой бронированную комнату (на оперативном аргументе «подлодку») в комнате обычной, вокруг которой действовало электромагнитное поле. Разумеется, с точки зрения здоровья, особенно мужской потенции, все это было далеко небезопасно.

На четвертом этаже, в четырех тесных комнатках трудились около 40 офицеров резидентуры КГБ.

Каждый отдел – политическая разведка, внешняя контрразведка, научно-техническая, а также оперативно-техническая разведка – решал свои конкретные задачи.

На секретный этаж вел один вход, и его защищала прочная стальная дверь, имевшая цифровой код.

В помещение запрещалось входить в пиджаке или пальто. Эта мера безопасности была направлена против попыток возможных «кротов» тайком пронести миниатюрную фотокамеру.

Все кабинеты были экранированы, чтобы исключить прослушивание ведущихся внутри разговоров.

Что касается автомобилей, принадлежавших нашим дипломатам, как «чистым», так и «подснежникам», то их багажники взламывались с неизменной регулярностью. Хотя, справедливости ради, надо признать, что при этом ничего не похищалось. Сам по себе этот факт свидетельствовал, что взломщики были «ведомственными».

Массу неудобств для наших разведчиков создавала и планировка Вашингтона, который представляет собой прямоугольник, поделенный на квадраты. Машинам ФБР очень удобно следовать за наблюдаемым объектом по параллельным улицам...

...Объектом особого внимания местной контрразведки был престижный многоквартирный дом в богатом вашингтонском пригороде Чевингтон, где проживали служащие советского посольства и сотрудники резидентуры.

Дом, он же жилой комплекс под названием «Айрин», был государством в государстве. Видеокамеры и швейцары дено и ношно несли охрану у входных дверей.

Репортеры бульварной газеты «Нэшнл инквайерер», да и респектабельной «Вашингтон пост», в поисках сенсационных документов неоднократно проверяли содержимое мусорных пакетов, которые выставлялись по утрам у «Айрин».

Идея покопаться в чужой помойке не была оригинальной, так как изучением советского мусора не гнушалась и американская контрразведка. С практической точки зрения делать это сотрудникам ФБР было очень удобно, так как советские дипломаты, журналисты и разведчики свои полиэтиленовые мешки выносили во двор, где стояли контейнеры, откуда их регулярно изымал спецгрузовичок, разумеется, состоявший на балансе ФБР...

В «Айрин» не сдавали квартиры жильцам с собаками, кошками и малолетними детьми. Жильцы были обязаны застелить $\frac{3}{4}$ квартиры коврами, чтобы не беспокоить соседей с нижнего этажа. Все прегрешения жильцов фиксировались в отдельной карточке, которая хранилась в управлении домом вместе со второй связкой ключей.

Строгий порядок соблюдался и во многом другом. На Рождество, например, жильцам присылали список обслуживающего персонала дома с указанием счета, на который надо было перевести деньги в качестве вознаграждения.

Однако этот строгий порядок не мешал сотрудникам американских спецслужб в любое время проникать в облюбованную ими квартиру. «Домушники» по должности, они беспардонно оставляли следы своей любознательности в отсутствие временных хозяев: окурки в пепельнице, сдвинутые с привычных мест вещи, пятна на ковре.

Однажды жена резидента Станислава Андросова, войдя в свою квартиру, обнаружила клубы сигарного дыма, плотно застилавшие все пять комнат. Очевидно, те, кто посетил апартаменты, ретировались так поспешно, что не успели проветрить помещение.

Вызванный комендант дома невозмутимо заметил, что впредь сигарного дыма не останется. Что ж, и на том спасибо!

Советские граждане, обитатели «Айрин», постоянно ощущали на себе присутствие «кокона» – наружного наблюдения, – не покидавшего их ни днем, ни ночью. Настоящая война нервов.

Всем нашим гражданам было рекомендовано при выходе из дома никогда не возвращаться, ибо это могло быть расценено «топтунами» как проверка их бдительности, что, в свою очередь, могло бы вывести их из равновесия, а это уже было чревато изрезанными покрывалами на арендованном автомобиле и еще Бог весть чем!

...Как-то утром, на третий месяц проживания в «Айрин», жена Андросова, спустившись в гараж, вдруг вспомнила, что ключи от машины оставила на прикроватной тумбочке. Не медля ни секунды, поспешила к лифту.

Первое, что она увидела, войдя в спальню... башмаки как минимум сорок восьмого размера, торчавшие из-под кровати. Лежавший там «Гулливвер» пытел и чертыхался. Работал он с таким усердием, что даже не услышал, как за нею захлопнулась входная дверь...

Мгновенно оценив ситуацию, женщина рискнула и бесшумно – благо напольный ковер скрадывал шаги – подкралась к тумбочке, схватила ключи и исчезла, как призрак.

Только в лифте она вспомнила наставления мужа. Возникли и вопросы: фэбээровец что-то искал под кроватью или же устанавливал там какую-то спецаппаратуру?!

Из майора КГБ – в агенты ФБР

Объектами особого внимания ФБР всегда были вновь прибывшие из СССР сотрудники посольства. Основная задача Бюро на первом этапе – выяснить, кто они, – «чистые» дипломаты или же «подснежники» – те, для кого дипломатический статус был прикрытием для отправления своих основных, читай: разведывательных обязанностей.

Майор КГБ Сергей Моторин (сын секретаря Томского обкома КПСС) исключением для Вашингтонского отделения ФБР не стал. Не прошло и шести месяцев с тех пор, как он приступил к исполнению служебных обязанностей в резидентуре, и американцы решили «потрогать его за вымя» – выяснить его ценностные ориентиры, уровень профессиональной подготовки, опыта работы и т. д. Попали в «десятку». Став жертвой шантажа со стороны фэбээровцев, Моторин был завербован ими на... водке.

Американские контрразведчики проследили за Моториным, когда тот, явившись в магазин, торгующий электроникой в пригороде Вашингтона, попытался приобрести в кредит дорожный телевидеомоноблок.

Хозяин магазина, агент американской контрразведки, просьбу Моторина отклонил, но о визите молодого русского дипломата и о его затруднительном финансовом положении немедленно сообщил своему оператору.

Фэбээровцы на скорую руку сверстали план ловушки.

Было так.

Владелец магазина позвонил Моторину и предложил бартер: часть стоимости электроники (950 долларов) он согласен получить натурой – водкой «Столичная», которую дипломат приобретет через посольство по 4,5 доллара за бутылку (цена водки в американских магазинах равнялась \$12).

Моторин предложение принял. Когда он, обменяв (!) дюжину ящиков «Столичной» на вожденный моноблок, погружал его в машину, появились фэбээровцы с видеокамерами в руках. Они вежливо, но жестко напомнили ему, что он является нарушителем американского и советского законодательств и если делу будет придан ход, то его попросту выдворят из страны.

Казус предложили замять в ответ на согласие выполнить парочку конфиденциальных поручений. Уезжать, ох, как не хотелось, и Моторин согласился...

Особенности «съема» шпиона-супермена

На ФБР «Гоз» – под этим псевдонимом Моторин проходил в секретных платежных ведомостях американской контрразведки – проработал около года.

В конце 1984 г. он вернулся в Союз и приступил к работе в управлении «А» (активные мероприятия) ПГУ. Установленное за ним наблюдение результатов не дало, так как еще в США он условился со своими кураторами из ФБР, что в Москве на связь выйдет только в экстраординарном случае. Чтобы взять изменника с поличным, была разработана операция, согласно которой ему поручили подготовить активное мероприятие против сотрудников московской резидентуры ЦРУ. Для этого ему вручили документы, якобы полученные в Вашингтоне агентурным путем. Когда Моторин попытался выйти на контакт с американским разведчиком на проспекте Мира, его «сняли» бойцы «Альфы».

В момент «съема» у Моторина обнаружили контейнер с секретными материалами, который он собирался передать американцу.

* * *

При подготовке «съема» Моторина ответственный за проведение мероприятия заместитель командира «Альфы» подполковник Владимир Зайцев, прежде всего, учитывал психологию объекта. Психологию супермена, коим тот себя считал. Самомнение небезосновательное: рост 192 см, атлетическое телосложение, каждое утро забавлялся, как теннисным мячиком, двухпудовой гирей, к тому же владел приемами карате. Вылитый Шварценеггер! Уж он-то с полным основанием мог сказать о себе: *«Я – здоров, чего скрывать, пятаки могу ломать...»*

Вместе с тем Зайцев не мог сбрасывать со счетов моральное состояние Моторина. Двигаясь на встречу с американским разведчиком, он наверняка будет начеку, в каждую секунду готовый к отражению возможной атаки. У него же, что называется, «все импульсы наружу»!

Поэтому, прежде всего, надо было усыпить бдительность объекта. Подойди к нему гренадеры, сродни ему, он, учуяв опасность, мог бы свалку устроить, глупостей наделать. А вот этого «Альфа» позволить себе не могла ни при каком раскладе!

Изюминка «съема» Моторина состояла в том, что к нему должны были приблизиться не Шварценеггеры, а тщедушные прохожие. Разумеется, только внешне тщедушные.

...Когда Зайцев представил отобранных для «съема» бойцов генералу из руководства Управления «К» ПГУ, тот возмутился:

«И что, – завопил чин, указывая пальцем на одного из бойцов, – вот этот мальчишка справится с гренадером Моториным?! Да он – культурист, разметает вас всех, как котят!»

Еще как справились – пикнуть не успел, как его спеленали!

Принцип бойцов «Альфы»: «порхать, как бабочка, и жалить, как пчела». Но при этом сначала работает голова, а руки и ноги вступают в бой потом. Хотя и голова при этом не дремлет.

«Снять» объект – это еще не все, это лишь начало. Мало провести задержание без шума и без пыли, главное – усадить перевертыша лицом к лицу со следователем еще до того, как он успеет опомниться и прийти в себя от шока. Лишь в этом случае он без промедления начнет давать правдивые показания.

Вот где профессионализм высшей – 999-й – пробы! «Шоковая терапия», которой в совершенстве владеют бойцы «Альфы», – искусство, а не конвульсивное подергивание руками и ногами.

Кстати, приемы «шоковой терапии» до сих пор строго засекречены. Оно и понятно: шпионаж, он ведь еще не упразднен, ну и «съемы» продолжаются.

...Как признался следователь Добровольский, который вел дело Моторина, в его практике не было случая, чтобы обвиняемый в шпионаже перевертыш в качестве своего оправдания привел какие-то другие, кроме идеологического, мотивы. Лишь один – Сергей Моторин сказал как на духу:

«Ну, что поделаешь, дал слабину, польстился на классную аппаратуру... За это и ответ держу...»

Следствие доказало факт сотрудничества Моторина со спецслужбой США, а Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его за измену Родине к расстрелу.

Глава пятая. Горький аромат предательства

Триедин в одном лице

Командировка подполковника Мартынова Валерия Федоровича в Вашингтон по линии «НТР» (техническая разведка) считалась очень престижной и давала шанс сделать в разведке блестящую карьеру.

На восточном побережье США расположено множество исследовательских лабораторий, промышленных фирм, информационных центров и библиотек, используя которые молодой и предприимчивый офицер мог получить интересующие нас научно-технические материалы. Здесь часто проводились конференции и презентации, их посещение или участие в них открывали широкие возможности по установлению полезных с точки зрения разведки контактов.

Имея такие перспективы, амбициозный подполковник не сомневался в своем светлом будущем. Тем более что был он, в отличие от Моторина, готового поволочиться за любой приглянувшейся барышней, трудяга и усердно «пахал» вашингтонские просторы. Вместе с тем был он неопытен, что проявилось в 1982 г. на научной конференции при установлении им контакта с американским «ученым». Мартынов, не заметив, как попал в расставленные сети – стал фигурантом совместной операции ФБР и ЦРУ «Courtship», целью которой являлась вербовка советских граждан, работавших в Вашингтоне.

Считая своего нового знакомого перспективной оперативной связью, Мартынов стал развивать с ним отношения.

Активную разработку Мартынова американцами не заметили и в московском Центре, скорее всего, потому, что молодой разведчик был весьма убедителен в своих отчетах, умело преподносил прогресс в развитии отношений со своим новым «другом». Тем временем отношения Мартынова с «ученым» углубились настолько, что американцы решили «пора!» и перешли в наступление, в результате которого подполковник был завербован.

ФБР приобрело в его лице агента под псевдонимом «Pimenta», ЦРУ – «Gentile», а если учесть еще и рабочий позывной подполковника – «Павел» – то выходит, Мартынов стал триедин в одном лице.

...Американцы, чтобы подсластить пилюлю, предложили «новобранцу» увенчать знакомство с «ученым» его «вербовкой», сделав его своим «агентом», через которого они смогли бы «гнать дезу» советской стороне. Передаваемая через «ученого» информация будет достаточно привлекательна и сумеет убедить московский Центр, что Мартынов добился безусловного оперативного успеха. Тот не возражал и в течение следующих трех лет исправно, каждые две недели встречался с сотрудником ЦРУ Родом Карлсоном и специальным агентом ФБР Джимом Холтом. Встречи проводились на различных конспиративных квартирах, всего их было более пятидесяти, в основном в той части штата Вирджиния, которая носит название «Кристалл-сити».

Действительно, по прошествии года усилия ФБР по дезинформации Центра с помощью «ученого» увенчались успехом: вскоре Мартынов был назначен руководителем линии «Х» резидентуры.

Мартынов отчитывался перед американскими работодателями о деятельности резидентуры за истекший период, включая результаты операций и их оценку Центром, сообщал о полученных из Москвы указаниях, не забывая сдабривать их сплетнями и байками, циркулировавшими в Ясенево. Он также давал ФБР наводки на возможных кандидатов вербовочных подходов и разработок.

Часть передаваемой противнику информации Мартынов черпал из висящей на стене у кабинета резидента Андросова карты Вашингтона, где отслеживалась текущая оперативная обстановка, в частности, результаты перехватов переговоров бригад наружного наблюдения ФБР и места их рассредоточения.

Судьба резидентуры поставлена на карту

Станислав Андреевич Андросов на пост главы вашингтонской резидентуры был назначен в 1982 г., главным образом, благодаря своим дружеским связям с Владимиром Крючковым, в то время начальником Первого главного управления КГБ (внешняя разведка).

Крючков руководил ПГУ уже одиннадцать лет и за это время значительно политизировал его. Двигаясь к этой цели, он вынудил уйти в отставку нескольких заслуженных ветеранов разведки, таких, например, как Борис Соломатин, заменив их преданными ему бывшими партийными функционерами, пришедшими в органы госбезопасности в результате так называемого «партийного набора». Именно эти «варяги», исходя из опыта прежней работы, способствовали тому, что вскоре была предана забвению одна из основополагающих заповедей разведки: «Шпион – не бюрократ. Его дело – добывать документы, а не красиво составлять их». Бывшие партийные чинуши, возомнив себя Лоуренсами Аравийскими и Рихардами Зорге, переставили все с ног на голову, и, надо сказать, многие из них преуспели и возвысились, имея бойкое перо вместо оперативного дара.

Андросова считали клеветом Крюčkова, и многие находившиеся под его началом профессионалы, истоптавшие десятки пар башмаков на крысиных тропах разведки, смотрели на него с презрением, отчасти из-за нелепого инцидента, продемонстрировавшего всему личному составу резидентуры профессиональную несостоятельность их руководителя.

В конце 1983 г. Андросову взбрело в голову установить возле своего кабинета огромную карту Вашингтона. Каждому сотруднику, покидающему посольство, предписывалось отмечать булавкой на карте то место, куда он направлялся. Теперь резидент, окинув карту беглым взглядом, мог в любой момент установить, где находятся его бойцы. Эту, заведомо негодную инициативу, Андросов реализовал без согласования и в отсутствие полковника Черкашина Виктора Ивановича, который отвечал за контрразведывательное обеспечение деятельности резидентуры.

В марте 1984 г. Черкашин вернулся из отпуска и при виде карты пришел в ужас.

«Если среди наших сотрудников заведется «крот», то ему достаточно будет каждое утро смотреть на карту, и ФБР будет абсолютно точно знать, где в этот день работают наши люди!» – возмутился Черкашин.

Однако после пятнадцатиминутной перебранки он понял, что резидент не в силах расстаться со своей идеей и будет носиться с нею до полного изнеможения, как обезумевшая от горя мать с мертворожденным ребенком.

Слова Черкашина оказались пророческими, и очень скоро он сумел доказать резиденту собственную правоту.

Дело в том, что полковнику были известны радиочастоты, которыми пользовались в вашингтонском отделении ФБР для поддержания связи с «топтунами», находящимися на «маршруте», то есть ведущими слежку за офицерами резидентуры.

Слушая переговоры по радио центральной диспетчерской службы Бюро со своими «топтунами», подчиненные Черкашина – сотрудники отдела собственной безопасности – всегда знали, за кем есть «хвост», а за кем его нет.

Проанализировав все сводки радиопереговоров более чем за год, Виктор Иванович пришел к заключению, что до мая 1982 года ФБР не знало точно, кто именно из служащих посольства является сотрудником КГБ, кто офицером ГРУ, а кто «чистым» дипломатом. Когда в

какой-либо из дней ФБР устанавливало слежку за десятью нашими дипломатами, только четверо из них оказывались разведчиками.

Однако с мая процент попадания в «десятку» у ФБР резко увеличился. Самое худшее было то, что нередко «наружка» объявлялась в условленном месте даже раньше нашего разведчика!

Объяснение складывающейся ситуации для Черкашина было очевидно: противнику удалось осуществить агентурное проникновение в резидентуру. И главным свидетельством тому была адресная организация слежки ФБР за нашими разведчиками.

Своими соображениями полковник немедленно поделился с резидентом, но понимания не встретил. Андросов с порога отверг гипотезу, что среди сотрудников действует «крот», и тогда Виктор Иванович провел эксперимент.

На следующее утро на общем совещании он объявил, что к булавкам на карте будет добавлена еще одна. Ею будет обозначен некий «особо законспирированный» разведчик, в настоящее время работающий в посольстве под надежнейшим прикрытием и выполняющий чрезвычайно ответственное задание Центра. Никто, кроме посла, резидента и его заместителя по контрразведке якобы не знает, кто из сотрудников является этим «суперразведчиком».

Черкашин также оповестил всех, что каждый день будет лично отмечать его местонахождение, чтобы другие сотрудники невзначай не привели фэбээровских ищеек туда, где он работает.

В течение следующей недели Виктор Иванович усердно перемещал спецбулавку по карте. Разумеется, на самом деле никакого «секретного человека из Центра» не было и в помине, ибо делалось все исключительно в проверочных целях.

Через три дня после начала эксперимента по радио был перехвачен разговор между бригадой фэбээровской «наружки» с центральной диспетчерской. «Топтуны» ожидали «спецсотрудника» на том самом месте, которое Черкашин отметил булавкой. Туда они прибыли, получив задание сделать фотоснимки нового сотрудника резидентуры.

Теперь Черкашин имел на руках все козыри, чтобы убедить резидента, что его идея с картой в корне ошибочна и, кроме вреда, ничего не приносит. Бесспорной оказалась и гипотеза полковника, что ФБР внедрило в резидентуру своего «крота». Но кто он? Черкашин составил перечень всех сотрудников, работавших в мае 1982 г., и сопоставил его со своим собственным рабочим списком. Имя Валерия Мартынова явно выделялось.

В апреле 1984 г. Черкашин представил Андросову множество косвенных доказательств того, что «кротом» может быть Мартынов, а к концу месяца составил проект телеграммы на имя Крючкова о ситуации, сложившейся в резидентуре. В тексте отсутствовали какие-либо фамилии сотрудников, подозреваемых в принадлежности к агентуре ЦРУ и ФБР, не было и предложений по их выявлению. Просто излагались результаты проведенного изучения материалов перехватов радиообмена бригад наружного наблюдения ФБР (но без ссылки на эксперимент!) и найденных радиомаяков в машинах оперработников.

Выводы напрашивались сами – ФБР располагало информацией, которую не могло получить на основе исключительно слежки за нашими разведчиками, а лишь с помощью «крота», инфильтрованного в коллектив резидентуры.

Ознакомившись с телеграммой, Андросов тихо произнес:

«Виктор Иванович, не обвинит ли нас Центр в шпиономании и разжигании атмосферы недоверия в разведке? Боюсь, что наши соображения не найдут понимания и поддержки... Мое предложение – не отправлять телеграмму, а подождать до мая, когда из Москвы придет с плановой проверкой один из заместителей Крючкова. Вы как, не против?»

На том и остановились

Когда приехал проверяющий, Черкашин поначалу чувствовал себя окрыленным, полагая, что тот оценит сделанные им разоблачения, но вместо этого заместитель Крючкова схватился за голову и завопил:

«Вы что, черт подери, не знаете, что сейчас творится в Москве?! Да если наружу хоть слово просочится о том, что в вашингтонской резидентуре действует американский шпион, карьере Крючкова тут же придет амбец, да и весь Первый главк будет опозорен! Вы забыли, что разведка никогда не выносит дерьмо из собственной избы?! Уж лучше пусть кто-то нагадит внутри, чем наружу!»

Черкашин понял, что паркетные генералы хорошо воюют только под ковром, но так как изменить что-либо было не в его силах, он, мысленно послав резидента и проверяющего в общероссийском направлении, внешне смирился и уступил.

Ларчик открывался просто: двумя месяцами ранее умер Юрий Владимирович Андропов, и Крючков остался без могущественного покровителя. Генеральным секретарем ЦК КПСС избрали давнего соперника Андропова – Константина Черненко, и Крючков был очень обеспокоен тем, что ему придется оставить пост главы внешней разведки, так как знал, что Черненко готов избавиться от него при малейшем промахе.

В итоге посиделки в кабинете Андропова закончились тем, что заместитель Крючкова велел перевести Мартынова на участок работы, где бы он был лишен допуска к засекреченной информации (легко сказать, но ведь воплотить в реальность это указание невозможно!), и в конце концов – отправить негодяя в Москву, чтобы там с ним разобрались по-тихому.

Таким образом, дворцовые интриги, которые плели Крючков и его приспешники, заставили всех офицеров вашингтонской резидентуры (только ли их одних?!) в течение последующих почти полутора лет ходить по острию лезвия, а изменнику позволили снабжать своих американских хозяев оперативно значимой информацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.